

В

первые в Петербург Алексей Кольцов приехал в январе 1836 года по поручению отца выправить тяжёбые дела. Свое положение он объяснил так: «Все хлопочу по делам торговли, которые без меня шли уж очень дурно, — а разлитую воду подбирать с земли не всякому ладно». Сыну было поручено распутать сделку отца с крестьянами по аренде пастбищ для скота и части земли для посевов. Через издателя Андрея Краевского он познакомился с влиятельными литераторами, князьями П.А. Вяземским и В.Ф. Одоевским, а также поэтом В.А. Жуковским, которые своим авторитетом всячески содействовали тому, чтобы, по выражению Кольцова, «правда, как масло, наверх всплывала».

Более всего поэта интересовала столичная литературная жизнь. «Кольцов считал долгом делать визиты ко всем литераторам, из которых многие посматривали на него с высоты своего величия, как на талантливое мужичка», — вспоминал литератор И.И. Панаев. Поэта принимал Жуковский в Зимнем дворце, князь Одоевский — в своей гостиной, профессор Плетнев приглашал на литературный вечер.

В салонах и гостиных разгоралось любопытство: не терпелось увидеть воронежского мещанина, который занимается пастьбой скота и в степях, сидя на коне, слагает стихи. Везде светские, вежливо-чопорные поклоны, блеск люстр

и награда на мундирах, оценивающие заложы женщин в затейливых нарядах. Кольцов в первое время терялся в таких салонах, чувствовал себя чуждым «ухоженной» публике. Догадывался, что его воспринимают как диковинку. Красно-речиво выглядит полусогнутая фигура поэта на известной литографии П.Ф. Бореля, где он изображен на литературном вечере Плетнева.

Земляк Кольцова, профессор Петербургского университета Александр Васильевич Никитенко, как и многие просвещенные граждане, считал важным собирать у себя литераторов. Началось это в январе 1836 года, когда бывший крепостной, ставший ученым, почувствовал твердую почву под ногами и когда семейные обстоятельства позволяли принимать гостей. Встречались по пятницам. В первый же день вместе с другими визит нанес известный патриотическими творениями Н.В. Кукольник. Он занял основное внимание собравшихся, читал свою «драматическую фантазию» «Доменикино». Потом автор и хозяин долго говорили наедине, гость жаловался на немилость двора и недоверие, как заметил Никитенко, «людей свободомыслящих».

Гости приходили разные, и все чувствовали доброжелательную обстановку. Пятницы вошли в петербургскую традицию. Алексей Кольцов в марте 1838 года писал в Москву своему покровителю и другу Виссариону Белинскому о столичных визитах: «По четвергам у Владиславлева, по пятницам у Никитенки»...

К Никитенку Кольцов приходил уже освоившимся в столичных гостиных. В одеянии, ничем не напоминающем мещанское сословие: черный длиннополый сюртук, весь застегнутый, туго накрахмаленные воротнички и черный высокий галстук. Вот только русые волосы, подвернутые у висков, выдавали простолюдина. Выглядел он старше своих тридцати с небольшим лет. «Пятницы» проходили на квартире ученого, которую он снимал тогда в относительно престижном районе Петербурга — в доме Шелкунова на Итальянской улице. Публика приходила менее знатная, нежели к Жуковскому, но тоже проникнутая творческими замыслами и готовая прочитать собственные сочинения. Жена профессора, Казимира Казимировна, приветливо встречала Кольцова, чем завоевала его расположение.

На «пятницах» у Никитенко словопрения нередко затягивались до полуночи. Беседовали о литературе, науке, путешествиях. Кольцов внимательно прислушивался к разговорам на самые разные темы. Затевались словопрения о Гете, баснописце Крылове, актере Щепкине, о книжной торговле в России. Просили и Кольцова почитать свои стихи. Волнуясь, он декламировал:

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю...

Чуткий к художественному слову, Никитенко не мог не видеть в «Песне пахаря» весь трудовой уклад хлебороба: пахаря, сеятеля и сборщика урожая. Хозяин квартиры не скупился на похвальное слово гостю из Воронежа. Он отмечал в «песнях» прасола глубину крестьянской жизни и тонкое различие душевных переживаний.

Кольцову профессор виделся близким по сердцу и по духу. Ведь — из крепостных, в ранней молодости, пока не получил «вольную», изведал горести и унижения и только необоримым усердием поднялся к вершинам академических знаний и положению в обществе. Роднили и общие воронежские воспоминания: оба учились в уездном училище, хотя и с разницей в несколько лет.

В 1838 году Кольцов по образу и подобию «пятниц» Никитенко устраивает встречи у себя. В очередном письме Белинскому восторженно отмечает: «Вот как-ково, Виссарион Григорьевич! В Питере живем и добрым людям вечера даем!».

В том году летом Никитенко предпринял поездку на малую родину, чтобы на-

вестить мать и братьев в Острогожске. Приехал через Воронеж, а в Петербург отправился через Харьков. Кольцов не ведал о таком кружном маршруте и надеялся встретиться с профессором в Воронеже на его обратном пути. Вслед Никитенко 27 июля полетело письмо поэта-земляка. Заметим, единственное в домашнем архиве профессора. В нем такие строки:

«Да, Александр Васильевич, вы бы подарили мне минуту такую, которой у меня в жизни не было; грустно было на душе услышать: уехал в Харьков. Черт их знает, отчего дилижансы ходят не прямо из Острогожска через Воронеж в Москву!».

Одновременно жалуется Белинскому на несбывшуюся встречу:

«Никитенко уехал из Острогожска и не был у меня — ему дорога лежала на Харьков... Пожалиться надо Ивану Петровичу и попросить, чтоб он оттоль уладил хорошенько».

По мнению редактора полного академического собрания сочинений Кольцова А.И. Лященко (1911), Иван Петрович — это Ключников, поэт, участник литературно-философского кружка Станкевича. В то время он жил уединенно в наследственном хуторе Криничном в Харьковской губернии, ныне Сумская область Украины. Кстати, на родине имя Ключникова находится в ряду почитаемых земляков, о нем написаны научные статьи и разного рода исследования.

Вернемся, однако, к письму Кольцова от 27 июля 1838 года, в котором далее обращены к Никитенко самокритичные и признательные слова:

«Извините меня, что я перед вами оказался такой скотина: не отвечал вам до этих пор на две записки... Вы были так добры к своему земляку, что приняли на себя труд хлопотать обо мне у Смирдина. Пусть это не удалось, но мне нужна не удача, а я дорого ценю участие ваше, оно мне дороже всех вздорных выгод, которые я в деле литературы считаю ни за что».

Речь идет о новом стихотворном сборнике, который Кольцов намеревался издать. С этой же просьбой поэт обращался к издателю Краевскому. Увы, планам Алексея Васильевича не суждено сбыться. При жизни его вышла единственная книжечка (18 стихотворений — «пиес»), отпечатанная в Москве попечительством другого земляка — Н. В. Станкевича.

Далее в письме Никитенко — откровения о своих неурядицах. В них — степень добросердечия в отношениях с адресатом:

«Я бы отвечал сам давно (на упоминаемые выше две записки. — А.К.), но до этих пор мешали мне два обстоятельства: первое, поездка моя в Питер по делу моего отца была так дурна, что ни на что уж не похоже, и я был всю пору в самом гадком состоянии. Этот груз мучил, тяготил, тиранил просто: сколько трудов, хлопот, время, трат — и все это ни за грош. Ну, просто нестерпимо!».

И с учетом высокой доверительности последовала просьба к Никитенко, помимо профессорской, занимавшему цензорскую должность:

«С вами ужасно хочет познакомиться Виссарион Григорьевич Белинский, теперешний издатель «Московского наблюдателя». Его сильно теснит цензор в Москве, и он хотел просить вас, чтобы вы ему позволили кой-какие статьи посылать цензуровать к вам в Петербург, особенно одну прекрасную статью переводную из Мирбаха... Если вы позволите Белинскому беспокоить такими просьбами, то вы бы для него сделали весьма много добра. Он добрый человек, душою любит вас с давнишних пор».

Вообще Кольцов выполняет несколько поручений Белинского, жившего в тот период в Москве, по возможности способствует переезду товарища в Петербург. При этом рассчитывает на помощь профессора. «Во всяком случае я устрою так, — уведомляет он московского друга, — попрошу Александра Васильевича Никитенко, чтобы вам к нему поселиться прямо». Намерение Кольцова красноречиво говорило, пожалуй, о приятельских отношениях земляков.

Вскоре Белинский переедет в Петербург, правда, без помощи Никитенко, но с ним близко познакомится.

Кольцов между тем в том же письме обращается к петербургскому адресату со своей просьбой:

«После Питера я еще кое-что написал новенькое, и если велите, то когда-нибудь пришлю к вам. Несмотря на все трудные обстоятельства моих дел, порою я теперь занимаюсь понемножку, и чем тяжелее жить мне в мире, тем более становится желание заниматься словесностью. Почти полюбил эти досуги всей душою. Милой супруге вашей почтение».

В письмах Белинскому несколько раз упоминается имя Никитенко, на поддержку которого можно рассчитывать. Как полагает Лященко, профессор отозвался на единственное письмо Кольцова.

И вот на этом фоне внешнего согласия и доброжелательности очередной визит Кольцова к земляку в Петербурге 20 ноября 1840 года отозвался противоречивыми строками в дневнике профессора:

«У меня был Кольцов, некогда добрый, умный, простодушный Кольцов, автор прекрасных по своей простоте и задушевности стихотворений...».

Нам важно вновь удостовериться, что Кольцов бывал у Никитенко и раньше, иначе не сложилось бы мнение о нем как о «добром, умном, простодушном» авторе прекрасных и задушевных стихотворений. Запись эта в дневнике ученого — единственная, посвященная Кольцову. Можно лишь предполагать, почему о вышедшем из простолудинов поэте сам бывший крепостной упомянул только в 1840 году. Читаем далее:

«К несчастью, он сблизился с редактором и главным сотрудником «Отечественных записок»: они его развратили. Бедный Кольцов начал бредить субъектами и объектами и путаться в отвлеченностях гегелевской философии. Он до того зарпортовался у меня, что мне стало больно и грустно за него. Неученый и неопытный, без оружия против школьных мудрствований своих «покровителей», он, пройдя сквозь их руки, утратил свое драгоценнейшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смысл...».

Как нам известно, в то время редактором «Отечественных записок» был Краевский, а главным сотрудником журнала — Белинский. Это они «развратили» Кольцова?

Такое мнение Никитенко — не единственное. К.С. Аксаков замечал «в стихах Кольцова позднейшего периода уже отсутствие той простоты и искренности, той непосредственной внутренней правды, которая в поэзии есть существеннейшее достоинство». Современник и воронежский биограф Кольцова М.Ф. Де-Пуле тоже видел в Белинском злого гения, развратившего талант естественного человека, представителя неиспорченного народа.

Встает вопрос: должен ли был Кольцов «законсервироваться» в своих взглядах и оставаться «чистым» талантом или все же общение со столичными друзьями не могло не сказаться на его воззрениях и творчестве?

Вспоминая студенческие годы и приятельское общение с Кольцовым в Москве, профессор философии и издатель М.Н. Катков подчеркивал «удивительную чуткость» души поэта и одновременно выделял, как «жажда знания и мысли сильно томила его».

Литературный критик В.Н. Майков в статье «Стихотворения Кольцова» (1846) замечал: «История всех гениальных людей подтверждает эту психологическую истину: все они одарены были от природы обилием самых разнообразных потребностей и страстною любовью к многообразному наслаждению жизнью, — обстоятельство, которое помогало им выдерживать продолжительную борьбу с препятствиями, отдалявшими их от заветных целей, от задушевной деятельности. Таков был и Кольцов...»

Одаренный «от природы обилием самых разнообразных потребностей», поэт и стремился к «задушевной деятельности». Иными словами, к развитию творческих возможностей, поискам источника вдохновения. Это было понятно В.Н. Майкову — современнику Никитенко.

Схожее мнение высказал уже наш современник, ученый-филолог Н.Н. Скатов в книге «Кольцов» (ЖЗЛ), вышедшей вторым изданием в 1989 году:

«Кольцову указывалось: «Знай свой шесток!». Такое указание даже не было проявлением злой воли. Ведь «на своем шестке», если уж до конца воспользоваться сравнением, этот «сверчок» пропел такие песни, что чего же больше и куда же дальше. Не понималось лишь, что пропеть такие песни он мог, только будучи гением, «гениальным талантом», по слову Белинского, но, будучи «гениальным талантом», «гением в высшей степени», уже по слову Одоевского, он не мог остановиться только на таких песнях».

Умудренному петербургскими общениями и здравыми размышлениями Никитенко все же не хватило разума увидеть в переменах Кольцова естественное стремление таланта развиваться и встать вровень со своими просвещенными друзьями. Вполне понятно, не все прасол успел постичь основательно. «Неученый и неопытный», он не обладал той базой, которая позволила бы ему схватывать премудрости на лету. Поэтому в письме Белинскому объяснял: «Все мне говорит душа день и ночь, хочет бросить все занятия торговли — и сесть в горницу, читать, учиться». В начале 1840-х годов он уже сообщает своему единомышленнику: «Я с важными учеными людьми толкую, спорю, пускаюсь в суждения и убеждаю их на своем мнении». При этом признается: «Субъект и объект я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки...».

В тот визит в гостиную Никитенко доверчивый Кольцов не произвел впечатления «продвинутого» искателя истины. Сидевшие рядом с ним в зале журналист В.М. Строев и популярный поэт В.Г. Бенедиктов, слушая его, как отмечено в дневнике профессора, лишь пожимали плечами.

Скажем так. Стремление к самообразованию заслуживает только похвалы, а не осуждения. Бывший крепостной Никитенко, в юные лета, тянувшийся к знаниям и тяготившийся проблемами в них, не смог понять Кольцова. Пожалуй, это единственный случай с профессором, а впоследствии академиком русской словесности, поощрявшим каждого, кто испытывал влечение к умственной жизни.

То была запись в дневнике. Из уст Никитенко поэт-земляк слов осуждения не услышал...

